

Тяжба — эпизод 2 из 2

Позвольте: вот этот мошенник, брат, он на это хоть черту в дядьки годится, вот и подъехал он к ней: Вы-де, тетушка, уже прожили, слава Богу, семьдесят лет; где уже вам в таких преклонных летах мешаться самим в хозяйство: пусть лучше я буду приберегать и кормить. Вона! замечайте, замечайте! Переехал к ней в дом, живет и распоряжается, как настоящий хозяин. Да вы слышите ли это?

Пролетов. Слышу.

Бурдюков. То-то! Да. Вот занемогает тетушка, отчего Бог знает: может быть, он сам и подсунул ей чего-нибудь. Мне дают уже знать стороною. Замечайте! Приезжаю: в сених встречает меня эта бестия, то есть брат, в слезах, так весь и заливадается, и растаял, и говорит: Ну, говорит, братец, навеки мы несчастны с тобою: благодетельница наша... Что, отдала Богу душу? Нет, при смерти. Я вхожу и точно, тетушка лежит на карачках и только глазами хлопает. Ну что ж? плакать? Не поможет. Ведь не поможет?

Пролетов. Не поможет.

Бурдюков. Ну что ж? нечего делать! так, видно, Богу угодно! Я приступил поближе. Ну, говорю, тетушка, мы все смертны, один Бог, как говорят, не сегодня, так завтра властен в нашей жизни: так не угодно ли вам заблаговременно сделать какое-нибудь распоряжение? Что ж тетушка? Я вижу, не может уже языком поворотить, и только сказала: э... э... э... А эта шельма, что стоял возле кровати ее, брат, говорит: Тетушка сим изъясняет, что она уже распорядилась. Слышите, слышите?

Пролетов. Как же! да ведь она разве сказала это?

Бурдюков. Кой черт сказала! Она сказала только: э... э... э... Я все подступаю: Но позвольте же узнать, тетушка, какое же это распоряжение? Что ж тетушка? Тетушка опять отвечает: э, э, э. А тот подлец опять: Тетушка говорит, что все распоряжение по этой части находится в духовном завещании. Слышите? слышите? Что ж мне было делать? я замолчал и не сказал ни слова.

Пролетов. Однако ж позвольте: как же вы не уличили тут же их во лжи?

Бурдюков. Что ж? (Размахивает руками.) Стали божиться, что она, точно, все это говорила. Ну ведь... и поверил.

Пролетов. А духовное завещание распечатали?

Бурдюков. Распечатали.

Пролетов. Что ж?

Бурдюков. А вот что. Как только все это, как следует, христианским долгом

было отправлено, я и говорю, что не пора ли прочесть волю умершей. Брат ничего и говорить не может: страдания, отчаяния такие, что люди только! Возьмите, говорит, читайте сами. Собрались свидетели и прочитали. Как же бы вы думали было написано завещание? А вот как: Племяннику моему, Павлу Петрову сыну Бурдюкову, слушайте! в возмездие его сыновних попечений и неотлучного себя при мне обретения до смерти замечайте! замечайте! оставляю во владение родовое и благоприобретенное имение мое в Устюжском уезде... вона! вона! вона куды пошло! пятьсот ревизских душ, угодья и прочее. А? слышите ли вы это? Племяннице моей, Марии Петровой дочери Повалищевой, урожденной Бурдюковой, оставляю следуемую ей деревню изо ста душ. Племяннику, вона! замечайте! вот тут настоящий типун! Хрисанфию сыну Петрову Бурдюкову, слушайте, слушайте! на память обо мне... ого! го! завещаю: три штаметовые юбки и всю рухлядь, находящуюся в амбаре, как-то: пуховика два, посуду фаянсовую, простыни, чепцы, и там черт знает еще какое тряпье! А? как вам кажется? Я спрашиваю: на кой черт мне штаметовые юбки?

Пролетов. Ах он мошенник этакой! Прошу покорно!

Бурдюков. Мошенничество это так, я с вами согласен; но спрашиваю я вас: на что мне штаметовые юбки? Что я с ними буду делать? разве себе на голову надену?

Пролетов. И свидетели подписались при этом?

Бурдюков. Как же, набрал какой-то сволочи.

Пролетов. А покойница собственноручно подписалась?

Бурдюков. Вот то-то и есть, что подписалась, да черт знает как!

Пролетов. Как?

Бурдюков. А вот как: покойницу звали Евдокия, а она нацарапала такую дрянь, что разобрать нельзя.

Пролетов. Как так?

Бурдюков. Черт знает что такое: ей нужно было написать: Евдокия, а она написала: Обмокни.

Пролетов. Что вы!

Бурдюков. О, я вам скажу, что он горазд на все. А племяннику моему Хрисанфию Петрову три штаметовые юбки!

Пролетов (в сторону). Молодец, однако ж, Павел Петрович Бурдюков; я бы никак не мог думать, чтобы он ухитрился так!

Бурдюков (размахивая руками). Обмокни! что ж это значит? Ведь это не имя Обмокни?

Пролетов. Как же вы намерены поступить теперь?

Бурдюков. Я подал уже прошение об уничтожении завещания, потому что подпись ложная. Пусть они не врут: покойницу звали Евдокией, а не Обмокни.

Пролетов. И хорошо! Позвольте теперь мне за все это взяться. Я сейчас напишу записку к одному знакомому секретарю, а вы между тем доставьте мне копию с завещания вашего.

Бурдюков. Несказанно обязан вам! (Берется за шапку.) А в которые двери нужно выходить в те или в эти?

Пролетов. Пожалуйста в эти.

Бурдюков. То-то. Я потому спросил, что мне нужно еще будет по своей надобности. До свидания, почтеннейший. Как вас? Я все позабываю!

Пролетов. Александр Иванович.

Бурдюков. Александр Иванович! Александр Иванович есть Прольдюковский, вы не знакомы с ним?

Пролетов. Нет.

Бурдюков. Он еще живет в пяти верстах от моей деревни. Прощайте!

Пролетов. Прощайте, почтеннейший, прощайте!

Пролетов, потом слуга.

Вот неожиданный клад! вот подарок! Просто Бог на шапку послал. Странно сказать, а по душе чувствуешь такое какое-то эдакое неизъяснимое удовольствие, как будто или жена в первый раз сына родила, или министр поцеловал тебя при всех чиновниках в полном присутствии. Ей-Богу! эдакое магнетическое какое-то! Эй, Андрей! ступай сейчас к моему секретарю и проси его сюда. Слышишь? Да постой: вот тебе на водку, напейся пьян как стелька, для сегодняшнего дня я тебе позволяю; а вот еще сыну на пряники. Да скажи секретарю, чтобы сейчас, самонужнейшее дело. А, наконец-таки, насили! и на нашу улицу пришло веселье! Постой же, теперь я сяду играть, да и посмотрим, как ты будешь подплясывать. А уж коли из сенатских музыкантов наберу оркестр, так ты у меня так заплашешь, что во всю жизнь не отдохнут у тебя бока.